

Т.В. Фаулер

Прогрессивная нравственность. Опыт этики

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Т11

Т11 **Т.В. Фаулер**
Прогрессивная нравственность. Опыт этики / Т.В. Фаулер – М.: Книга по Требованию, 2024. – 86 с.

ISBN 978-5-518-07213-8

ISBN 978-5-518-07213-8

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

общественными интересами или чувствами нравственности. Должно помнить, что мы «люди» раньше чѣмъ «gentlemen'ы», и что правила сословія, учрежденія или класса не могутъ замѣнить или вытѣснить права человѣчности и гражданственности. Итакъ, мы видимъ, что, при настоящемъ положеніи нашего предмета, для соціальной санкціи пужна рука моралиста исправителя, независимо отъ того, происходитъ ли она отъ средняго состоянія нравственнаго чувства или отъ обычаевъ и мнѣній отдѣльныхъ агрегатовъ общества. Чувство это, можетъ быть выраженіемъ человѣка средняго нравственнаго состоянія или даже человѣка ниже средняго, пужно испытать, примѣняя его къ правиламъ, выводимымъ изъ идеальныхъ требованій чувства и разума. Правда, соціальный идеаль можетъ быть исправленъ не однимъ только нравственнымъ. Той же цѣли можно достигнуть путемъ легальнаго идеала. Въ виду того, что законы отдѣльной страны выражаютъ чувства мудрѣйшаго и опытнѣйшаго изъ гражданъ, то вполне естественно, чтобы они опередили среднее нравственное чувство народа, равно какъ и общественныя традиціи отдѣльныхъ сословія и классовъ. Дѣйствительно, сравнимъ законы и народныя или профессиональныя чувства по отношенію къ подкупамъ при выборахъ къ контрабандѣ, къ уклоненію отъ уплаты податей, долговъ, къ банкротству, къ дуэли, къ кулачному бою или, наконецъ, къ страсти къ играмъ. Должно также согласиться, что законы теченіемъ времени, старѣются, и направленіе законодѣловъ принимаетъ консервативный характеръ, что влечетъ за собой превосходство средняго нравственнаго чувства надъ закономъ. Итакъ, социальная санкція примѣняется для исправленія легальной санкціи.

Отличная отъ всѣхъ перечисленныхъ нами санкцій - санкція, происходящая изъ нашихъ размышленій надъ собственными же поступками и изъ ихъ одобренія или неодобренія послѣ такихъ размышленій. Здѣсь мы видимъ такіе поступки, которые приносятъ удовлетвореніе или вызываютъ сожалѣніе. Стало быть, эти чувства составляютъ такъ-наз. нравственную санкцію, въ узкомъ значеніи этого слова.

Ея отличіе отъ всѣхъ прочихъ санкцій поведенія заключается въ томъ, что она относится пассивно къ физическому удовольствію или страданію, не ожидаетъ награды, не боится наказанія, не дорожитъ чужимъ мнѣніемъ, не останавливается на внутреннемъ чувствѣ удовлетворенія или неудовлетворенія, съ которыми мы, послѣ ряда размышленій, оглядываемся на наши поступки.

Доводъ въ пользу необходимости науки о нравственности. ни одна религія, даже христіанская, не касается своими заповѣдями всей области нравственнаго поведенія: слѣдовательно, для тѣхъ частей поведенія, которыя не усмотрѣны религіей, пужно самостоятельное изслѣдованіе.

Съ другой стороны, нельзя сомнѣваться въ томъ, что нравственность получаетъ со стороны религіи сильное подкрѣпленіе и побужденіе, равно какъ нѣкоторую неприкосновенность.

ГЛАВА II.

Нравственная санкція или нравственное чувство Ея дѣятельность и оправданія первенства.

Теперь я подробно рассмотрю опредѣленную дѣятельность нравственнаго чувства или нравственной санкціи, и оправданіе приписываемаго ей важнаго значенія или, иначе говоря, почему она должна стоять выше всѣхъ прочихъ санкцій поведенія.

Мы уже видѣли, что нравственное чувство или санкція есть чувство удовольренія или неудовленренія, возникающее въ насъ при размыслени пады собственными поступками, и относящееся пассивно къ чужому авторитету или чужому мнѣнію. Теперь возникаетъ вопросъ сохраняется ли это чувство однимъ и тѣм-же при однихъ и тѣхъ-же поступкахъ. т. е., могутъ ли поступки. вызвавшіе разъ удовольреніе. вызвать въ другой разъ равнодушіе или совершенное неудовленреніе.

Кажется, что человекъ, занимающійся предметомъ нравственности и обогащенный наблюденіями и опытомъ, дастъ на этотъ вопросъ единственныи отвѣтъ:

Чувство самоодобренія или самопедобренія, выражающее нравственную санкцію, отнюдь не остается неизмѣннымъ при однихъ и тѣхъ же поступкахъ даже одной и той же личности, а тѣмъ болѣе, при поступкахъ разныхъ индивидуумовъ; далѣе, пужно принять во вниманіе, что условія жизни и воспитаніе человека вліяютъ на поступки, вызывающие нравственную санкцію. Отсюда слѣдуетъ, что нравственная санкція, хотя она и совмѣщается въ чувствѣ самоодобренія или самопедобренія. удовольренія или неудовленренія собственными поступками – не однообразна или постоянна, папротивъ – различна, и не только у разныхъ индивидуумовъ, но даже у одной и той же личности въ различные промежутки времени; она мѣняется съ измѣненіемъ условій воспитанія, темперамента, національности и вообще съ измѣненіемъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій жизни; она, наконецъ, постоянно улучшается и исправляется.

Пожалуй, спросятъ: чѣмъ же мы руководствуемся, стоя за примѣненіе этой санкци, и почему мы смотримъ на нее, не только какъ на законную санкцію поведенія, но и какъ на самую вѣскую изъ всѣхъ санкцій, а въ случаѣ противорѣчія, какъ на высшую и послѣдную?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ такой: если мы поступокъ находимъ несправедливымъ. го какія-бы тамъ ни были внѣшнія соображенія, они не могутъ вознаграждать насъ за поступокъ, не согласующійся съ нашими убѣжденіями; правильно ли наше мнѣніе или нѣтъ – это другой вопросъ.

Человѣческая натура въ ея нормальномъ состояніи такъ устроена, что угрызеніе совѣсти при сознаніи несправедливо совершеннаго поступка, превосходитъ то удовольствіе, которое мы могли получить отъ него; а удовольреніе, при сознаніи справедливо совершеннаго поступка, болѣе чѣмъ вознаграждаетъ насъ за то страданіе, съ которымъ могъ быть связанъ этотъ поступокъ. «Mens sibi conscia recti» – высшая награда для человека; сознаніе же подлости, несправедливости и жестокости совершеннаго поступка – самое тяжкое мученіе для человека, у котораго нравственное чувство не заглохло.

Характернымъ для удовольствія и страданія, возникающихъ послѣ размысленій о совершенномъ поступкѣ, – будетъ не только то, что они по существу интенсивнѣе пѣкоторыхъ другихъ удовольствій и страданій, но и то, что, сталкиваясь съ нравственной и какой-либо другой санкціей. они соединяются исключительно съ нравственной санкціей.

Вотъ почему человекъ, ежели физически страдаетъ или презираетъ наказаніе закона

и порицаніе общества, оглядается на свои поступки съ чувствомъ удовлетворенія (копечю, въ томъ случаѣ, когда онъ держится того направленія поведенія, которое онъ считаетъ правильнымъ); и чѣмъ эти поступки значительнѣе, чѣмъ его понятія о справедливости. яснѣе. чѣмъ соблазнъ иначе поступить сильнѣе, тѣмъ чувство удовлетворенія будетъ интенсивнѣе. Но, ежели человѣкъ принесъ въ жертву свои понятія о нравственномъ долгѣ, чтобы избѣгнуть физическаго страданія или уйти отъ наказанія закона, или, наконецъ, списать благосклонность общества, – чувства удовлетворенія уже нѣтъ. Здѣсь будетъ скорѣе чувство неудовлетворенія, которое, сообразно съ обстоятельствами. можетъ перейти къ угрызенію совѣсти. Итакъ, оправданіе первенства. на которое претендуетъ нравственная санкція, сводится, по моему, къ двумъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, къ тому, что удовольствіе и страданіе, чувство удовлетворенія и неудовлетворенія, самоодобренія и самопозоренія, при помощи которыхъ она дѣйствуетъ при здоровомъ умѣ – гораздо интенсивнѣе и долѣе, чѣмъ прочія удовольствія и страданія; во-вторыхъ, къ тому, что, при столкновеніи ея съ другими санкціями, она, въ случаѣ пораженія, возбуждаетъ сожалѣніе или угрызеніе совѣсти, – въ случаѣ побѣды приносить удовольствіе и удовлетвореніе. Мы приходимъ, стало быть, къ тому заключенію, что нравственная санкція есть лучшее руководство въ понятіяхъ о поведеніи, и что мы должны видѣть въ ней высшую инстанцію судящую поступокъ: прочія санкціи цѣнны поскольکو онѣ усиливаютъ нравственную санкцію или исправляютъ ея уклоненія

Всякій человѣкъ долженъ, наконецъ, быть судьей собственнаго поведенія и испытывать чувство удовлетворенія или угрызенія совѣсти. смотря по тому. поступаетъ ли онъ соотвѣтственно своимъ лучшимъ понятіямъ или нѣтъ.

ГЛАВА III

Анализъ и возникновеніе нравственнаго чувства. Его воспитаніе и усовершенствованіе

Прежде чѣмъ перейти къ нашему третьему вопросу, какимъ образомъ возникло нравственное чувство, представляющее собою источникъ моральной санкціи, и какъ его можно подвергнуть дальнѣйшему воспитанію и улучшенію, желательно точно разграничить интеллектуальный и эмоціональный элементы въ актѣ одобренія или неодобренія. Мы ипогда говоримъ о нравственномъ сужденіи, ипогда о нравственномъ чувствѣ. Эти выраженія слѣдуетъ разсматривать не какъ символы двухъ противоположныхъ теорій относительно сущности акта нравственнаго одобренія, что неоднократно имѣло мѣсто, но какъ обозначеніе двухъ различныхъ сторонъ одного и того же процесса, или, чтобы то же положеніе выразить нѣсколько иначе. — какъ различные элементы анализа. Юмъ, трактатъ котораго по этому вопросу особенно ясенъ по сравненіи съ твореніями большинства писавшихъ объ этикѣ, разсматривая доводы, приведенные этими авторами по вопросу о томъ, зависитъ ли актъ одобренія отъ акта сужденія или чувства, прибавляетъ: «Эти доводы съ обѣихъ сторонъ (ихъ можно было бы привести гораздо больше) настолько сильны, что я склоненъ считать эти и другіе одинаково основательными и удовлетворительными, и думать, что разумъ и чувство дѣйствуютъ одновременно, но что во всѣхъ нравственныхъ опредѣленіяхъ и заключеніяхъ окончательное сужденіе объявляетъ характеръ или поступки привлекательными, или непавистными, заслуживающими похвалу или порицаніе: оно именпо и кладетъ на нихъ печать чести или позора, одобренія или осужденія; оно делаетъ нравственность активнымъ принципомъ и провозглашаетъ добродѣтель нашимъ благомъ, а порокъ — несчастіемъ. Я утверждаю, что эта окончательная оцѣнка зависитъ отъ какого-то внутренняго чувства или ощущенія, которое природа сдѣлала универсальнымъ для всего нашего рода. На что же еще могла бы произвести свое вліяніе эта природа? Но для того, чтобы очистить путь для этого чувства и дать подходящую способность судить объ этомъ предметѣ, мы считаемъ часто необходимымъ, чтобы этому предшествовало продолжительное обсужденіе, чтобы были сдѣланы точныя опредѣленія, чтобы были выведены правильныя заключенія. — приведены подходящія сравненія, изслѣдованы сложныя отношенія и установлены и удостовѣрены основныя факты. Нѣкоторые виды красоты, особенно природной, при первомъ взглядѣ вызываютъ нашу симпатію и одобреніе, а гдѣ они не производятъ этого дѣйствія, тамъ никакому мышленію невозможно возстановить ихъ вліяніе и сдѣлать ихъ болѣе привлекательными для нашего вкуса или чувства. Но въ нѣкоторыхъ видахъ красоты, особенно въ красотѣ изящныхъ искусствъ, приходится прибѣгать къ продолжительному мышленію для того, чтобы испытать собственное ощущеніе, и ложный вкусъ нерѣдко можетъ быть исправленъ доводами и размышленіями. Это достаточно основательныя мотивы въ пользу того, что нравственная красота имѣетъ много общаго съ красотой только что упомянутаго вида и требуетъ содѣйствія нашихъ интеллектуальныхъ способностей для того, чтобы обнаружить должное вліяніе на нашъ духъ».

Этотъ отрывокъ я счелъ достойнымъ того, чтобы онъ былъ приведенъ полностью, потому что онъ съ достаточною ясностью указываетъ относительную роль разума и чувства при этической оцѣнкѣ поступка. Разсматриваемъ ли мы наши собственные поступки, или поступки другихъ, мы прежде всего относимъ ихъ къ какому-нибудь разряду, или

сопоставляемъ съ извѣстными поступками подобнаго же рода, которые намъ хорошо знакомы, а затѣмъ, когда ихъ характеръ такимъ образомъ опредѣлеть, они возбуждаютъ соотвѣтственное чувство одобренія или неодобренія, похвалы или порицанія. Такъ, лишь только мы установили, что извѣстное свѣдѣнiе - ложно, или извѣстный поступокъ - неблаговиденъ, мы сразу чувствуемъ негодованiе или отвращенiе къ лицу, слѣвавшему это сообщенiе или совершившему этотъ поступокъ. Равнымъ образомъ, если мы признали, что поступокъ честенъ и благовиденъ, мы смотримъ съ уваженiемъ или съ удивленiемъ на человека, который его совершилъ. Но, хотя чувство одобренія или неодобренія непосредственно слѣдуетъ за актомъ сужденія, однако распознаванiе истиннаго характера поступка, или отнесенiе его къ извѣстному разряду, чѣмъ этотъ актъ сужденія заключается, можетъ быть и перѣдко бываетъ процессомъ весьма значительной продолжительности и сложности. Возьмемъ, на примѣръ, случай лжи. Что на самомъ дѣлѣ сказалъ человекъ? Въ какомъ смыслѣ онъ употребилъ свои слова? Какъ далеко простиралось его свѣдѣнiе въ тотъ моментъ, когда онъ слѣлалъ это сообщенiе? И каково было его намѣренiе? На эти и другiе вопросы мы должны отвѣтить прежде, чѣмъ будемъ вправѣ обвинять этого человека въ томъ, что онъ солгалъ. Если преступленiе не только нравственное, но и юридическое, то актъ опредѣленія характера даннаго поступка часто является результатомъ долгаго расслѣдованія въ продолженiе нѣльхъ нелѣль или мѣсяцевъ. Однако, лишь только интеллектуальный процессъ заканчивается, и поступокъ, по подлежащей оцѣнкѣ, признается за ложь или кражу, или мошенничество, или актомъ жестокости или несправедливости и т. п. - немедленно возбуждается соотвѣтственная нравственная эмоция. Интеллектуальный процессъ можетъ быть также чрезвычайно быстрымъ, почти моментальнымъ, и это имѣетъ мѣсто всегда, когда у насъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнiя ни насчетъ сущности поступка ни его мотивовъ или намѣренiя; но въ отличiе отъ нравственной эмоции, характеристическая черта этого процесса та, что онъ можетъ потребовать извѣстнаго времени, за исключенiемъ совершенно ясныхъ случаевъ, или внезапныхъ происшествiй, требующихъ немедленнаго вмѣшательства.

Теперь мы можемъ видѣть источникъ значительной путаницы въ обыкновенномъ способѣ говорить и писать о нравственной способности, нравственномъ сужденiи, нравственномъ чувствѣ, нравственномъ ощущенiи, совѣсти и т. п. терминахъ. Моментальный и, по-видимому, инстинктивный, властный и безапелляционный характеръ акта нравственнаго одобренія или неодобренія относится къ эмоциональной, а не къ интеллектуальной части процесса, когда поступокъ уже признанъ справедливымъ или несправедливымъ, морально хорошимъ или дурнымъ, или уже былъ отнесенъ къ какому-нибудь хорошо извѣстному классу поступковъ, этической характеръ которыхъ уже опредѣленъ, какъ относящихся къ одному или другому изъ этихъ разрядовъ, то эмоция одобренія или неодобренія слѣдуетъ какъ вещь сама собой понятная. Здѣсь нѣтъ мѣста ни малѣйшему размышленiю или колебанiю по той простой причинѣ, что это не мыслительный актъ. Поэтому онъ является какъ актъ инстинктивный, и выступаетъ облаченнымъ въ его высшiе атрибуты повелительности, безапелляционности и даже непогрѣшимости, которыя вполне естественно приписать такому акту, гдѣ нѣтъ мѣста для мышленія, а потому, по-видимому, нѣтъ мѣста и для заблужденія. И дѣйствительно, чувство нравственнаго одобренія или неодобренія, никогда не можетъ быть названо ошибочнымъ, хотя имъ часто злоупотребляютъ. Ошибка паходится въ связи съ предварительнымъ процессомъ мышленія — отношенiя или сопоставленія, и если они были выведены неправильно, то нѣтъ оправданія и для чувства, которое слѣдуетъ за ними. Но вмѣсто того,

чтобы искать оправданія чувства въ разсудочномъ процессѣ, который ему предшествовалъ, мы часто оправдываемъ наше разсужденіе нашимъ чувствомъ и, такимъ, образомъ, весь процессъ теряетъ перерфлексивный характеръ который собственно свойственъ лишь одной эмоціоальной сторонѣ его. Недостаточное различіе между логическимъ процессомъ, который опредѣляетъ характеръ поступка – т. е. нравственнымъ сужденіемъ и эмоціей, которая слѣдуетъ непосредственно послѣ того» какъ характеръ поступка опредѣленъ нравственнымъ чувствомъ – было причиной преувеличенныхъ эпитетовъ, которые часто приписывались дѣйствию нашихъ нравственныхъ силъ, а также поспѣшности и небрежности людей, когда имъ приходится принимать нравственныя рѣшенія. Но нужно принимать во вниманіе то, что если мы даже и имѣемъ достаточно времени для обдумыванія, то мы не можемъ приложить слишкомъ много усилій при образованіи нашего критерія поведенія, ибо всегда есть возможность ошибиться въ нашихъ сужденіяхъ. Но разъ сужденія уже готовы, то мы должны дать просторъ тѣмъ эмоціямъ, которыя они естественно вызываютъ, а затѣмъ развивать въ себѣ сознаніе, вызванное, такъ сказать, одновременно разумомъ и чувствомъ; мы обязаны соединять тщательность и безпристрастіе мышленія съ тонкостію и строгостью чувства. Теперь возникаетъ вопросъ, можно ли результатъ нашихъ нравственныхъ разсужденій – чувство одобренія и неодобренія – объяснить: или оно является высшимъ проявленіемъ нашего ума въ зависимости отъ его устройства.

По-моему, слѣдуетъ признать первое предположеніе. Какіе же классы поступковъ дѣйствуютъ на нравственное чувство одобренія и неодобренія? Это тѣ поступки, которые вызываютъ или пытаются вызвать, преграждаютъ или пытаются преградить путь къ собственному или чужому благу. Далѣе, чувства, слѣдствіемъ которыхъ являются такіе классы поступковъ, считаются чувствами самоуваженія и симпатіи, или эгоистическимъ и альтруистическимъ чувствомъ. Мы представляемъ центръ различныхъ стремленій и желаній, включая и такъ наз. рациональное самолюбіе или желаніе того, что мы считаемъ для самихъ себя высшимъ благомъ, и самоуваженіе или созерцаніе; достоинствъ собственного характера и собственныхъ мнѣній о себѣ же. Когда извѣстныя изъ этихъ различныхъ стремленій или желаній удовлетворены, мы испытываемъ чувство удовлетворенія, и съ другой стороны, когда путь ихъ прегражденъ – испытываемъ чувство неудовлетворенія. Равнымъ образомъ у насъ много стремленій, предметомъ которыхъ являются другіе; люди; одни изъ этихъ стремленій зложелательны или мстительнаго характера, большинство же доброжелательны, включая и желаніе вообще доставить людямъ счастье въ случаяхъ, конечно, возможныхъ. Вслѣдствіе этого мы удовлетворены, когда наши стремленія исполнены, и неудовлетворены, когда ихъ путь прегражденъ. Эти чувства удовлетворенія и неудовлетворенія называются рефлекторными чувствами, такъ какъ въ нихъ отражаются объекты нашихъ желаній, включая сюда и чувство нравственнаго одобренія и неодобренія. Когда мы, напримѣръ, удовлетворяемъ чувство голода или жажды, любопытства или властолюбія, мы испытываемъ удовлетвореніе, но мы не можемъ сказать, чтобы удовлетвореніе этихъ стремленій или желаній считалось бы чувствомъ нравственнаго одобренія или неодобренія. Мы совершаемъ тысячи поступковъ и видимъ ежедневно совершеніе тысячъ поступковъ, не вызывающихъ никакого нравственнаго чувства. Какія же, слѣдовательно, обстоятельства отличаютъ поступки, доставляющіе намъ удовлетвореніе, отъ тѣхъ которые доставляютъ нравственное чувство одобренія?

Я полагаю, что все тѣ поступки, которые вызываютъ опредѣленное нравственное чувство, являются слѣдствіемъ нѣкотораго противорѣчія между различными стремленіями,

желаніями и наклопностями или, пользуясь обыкповеннымъ выраженіемъ, – противорѣчія мотивовъ. Мы ни одобряемъ, ни неодобряемъ поступки, которые либо имѣли малый выборъ, либо совѣмъ его не имѣли, и которые были слѣдствіемъ предшествовавшихъ обстоятельствъ. Трудно понять, какъ мы могли бы хвалить человѣка за справедливо совершенный поступокъ, если-бъ у него не было пакакихъ соображеній, побудившихъ его совершить несправедливый поступокъ; съ другой стороны, какъ мы могли бы порицать его за несправедливо совершенный поступокъ, если-бъ у него не было соображеній; побудившихъ поступить справедливо? Если хорошія или дурныя влеченія не представляются важными при возникновеніи дурныхъ или хорошихъ наклопностей, то, по моему, объектомъ нашего порицанія или похвалы должны быть наклопность или характеръ, а не поступокъ, или, иначе говоря, постоянное нравственное состояніе, а не желаніе, непосредственно предшествующее поступку.

Другая характерная черта поступковъ, которые мы хвалимъ или порицаемъ въ случаяхъ, касающихся другихъ людей, или одобряемъ и неодобряемъ въ случаяхъ, касающихся насъ самихъ – повидимому та, что они должны обладать нѣкоторымъ вѣсомъ. Большая часть поступковъ слишкомъ тривіальна, чтобы они могли заслужить какое-либо замѣчаніе, высказываемое нравственнымъ сужденіемъ. Если человѣкъ уступаетъ на улицѣ дорогу другому, или воздерживается отъ излишка ѣды или питья, могущихъ ему повредить, то ни онъ, ни посторонніе не сочтутъ подобный поступокъ за похвальный. Поступокъ этотъ подразумѣвается самъ собой, хотя противоположное поведеніе, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, можетъ быть подвергнуто критикѣ соотвѣтственно его важности.

Итакъ, мы вывели, что поступки, или объекты нравственного одобренія или неодобренія, должны имѣть нѣкоторый вѣсъ и должны явиться слѣдствіемъ извѣстнаго противорѣчія между различными мотивами. Однако-жъ, мы не пытались еще найти извѣстный принципъ различія между поступками, являющимися, съ одной стороны, объектами похвалы или одобренія, и съ другой стороны—объектами критики или неодобренія. Такой принципъ, по моему, найдемъ въ томъ фактѣ, что всѣ тѣ поступки другихъ, которые мы хвалимъ, или наши собственные поступки, которые, по нѣкоторомъ размышленіи, одобряемъ, заключаютъ въ себѣ извѣстную жертву; далѣе, всѣ тѣ поступки другихъ, которые мы порицаемъ, или наши собственные поступки, которые мы не одобряемъ, заключаютъ въ себѣ извѣстное самоугожденіе. Столкновеніе заключается между низшимъ и высшимъ благомъ самого человѣка, или между его личнымъ благомъ и большимъ благомъ другихъ, или, наконецъ, между меньшимъ благомъ, усиленнымъ соображеніями собственного интереса или пристрастія кого-либо и большимъ благомъ другихъ, лишеннымъ такого подкрѣпленія; а иногда даже—между удовольствіемъ и пользой другихъ и обидой для себя.

И кто въ этомъ противорѣчии предпочтетъ первый изъ этихъ мотивовъ, тотъ является объектомъ критики, или, по нѣкоторомъ размышленіи, самоодобренія. Я попытаюсь иллюстрировать это положеніе нѣсколькими примѣрами, взятыми изъ обыденной жизни. Мы хвалили человѣка, который, соблюдая должную бережливость, дѣлаетъ для самого себя запасъ на старость; и мы порицаемъ того, кто такъ не поступаетъ. Оставляя въ сторонѣ всѣ людскія или общественныя соображенія, мы почитаемъ и хвалимъ въ такомъ человѣкѣ способность самовоздержанія и привычку осторожности, позволяющія ему подчинить свои непосредственныя удовольствія большимъ интересамъ далекаго будущаго, и отказываться отъ чувственныхъ и мимолетныхъ удовольствій съ цѣлью сохранить свое самоуваженіе и самостоятельность въ позднѣйшіе годы жизни. Еще болѣе

мы почитаемъ и хвалимъ его, когда къ этимъ исключительно самосообразительнымъ оображеніямъ онъ присоединяетъ и общественныя соображенія: не оказаться бременемъ для своей семьи, или друзей, или общества. Слѣдую по такому же пути, мы осуждаемъ другого человѣка, который, не жертвуя своими непосредственными удовольствіями, подвергается опасности потерять свое самоуваженіе и самостоятельность въ дальнѣйшіе годы, равно какъ заставить другихъ страдать, благодаря своей непредусмотрительности. А человѣка, который, при такой бережливости и осторожности, дѣлаетъ запасъ для своей семьи или близкихъ, мы еще болѣе уважаемъ, чѣмъ человѣка, заботящагося только о себѣ, ибо въ данномъ случаѣ жертвованіе мимолетными удовольствіями еще больше: здѣсь даже полное жертвованіе всѣми интересами своего «я» (кромѣ, можетъ быть, самоуваженія и репутаціи) ради другихъ.

Точно такимъ же образомъ человѣкъ, отъ котораго зависитъ семья или близкіе, и который не дѣлаетъ сбереженій на будущее время, не только для себя, но и для нихъ, такой человѣкъ подлежитъ суду болѣе строгому, нежели тотъ, который не дѣлаетъ сбереженій только для себя, ибо его самоугожденіе должно встрѣтиться съ сильными мотивами общества и эгоизма, вслѣдствіе чего и упрямство его непростительно.

Человѣкъ солгалъ, чтобы защитить друга. Поступокъ чисто нравственнаго характера, такъ какъ онъ совершенъ не изъ боязни предъ другомъ и не въ ожиданіи награды. Можно сказать, что въ данномъ примѣрѣ стремленіе услужить другу борется съ чувствомъ униженія собственнаго достоинства. Но сознаніе малодушія и подлости, сопутствующихъ ложь, высказанную въ защиту собственныхъ интересовъ лица, наврядъ-ли соединено съ ложью, высказанною въ защиту другого. И съ другой стороны, нѣкоторое размысленіе можетъ показать, что доброжеланіе здѣсь, очевидно, встрѣчается съ весьма обширной и строгой соціальной обязанностью – не уменьшить нашего довѣрія защитѣ другого. Не настаивая на томъ, что въ данномъ случаѣ человѣкъ, который хотѣлъ оправдать нарушеніе справедливости, руководствовался извѣстными обстоятельствами, мы можемъ тѣмъ не менѣе оказать, что въ жизни большинства людей, вѣроятно, нѣтъ ни одного случая, когда, при соблюденіи общаго правила говорить правду, достигнуто было-бы большее общественное благо, чѣмъ при возможности признавать исключенія въ пользу лжи, даже въ томъ случаѣ, когда лгутъ, руководствуясь чисто доброжелательными доводами. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ есть сильное чувство товарищества: въ школѣ, въ коллегіи, въ арміи, во флотѣ – должно этотъ принципъ постоянно выставлять на видъ и подкрѣплять. Частое нарушеніе его въ такихъ случаяхъ прекрасно иллюстрируетъ, какимъ образомъ упомянутые въ первой главѣ законы чести иногда побуждаютъ болѣе пространное общественное чувство и даже правила личной нравственности *Esprit de corps*—безъ сомнѣнія, чувство благородное. И чувство, рождающее вообще много хорошаго, но когда оно встрѣчается съ болѣе общими правилами нравственности, то его влияніе – исключительно вредно.

Мой слуга, или другъ, или родственникъ совершилъ кражу. Долженъ ли я его преслѣдовать? Съ общей точки зрѣнія на общественное благосостояніе, я несомнѣнно долженъ это сдѣлать, такъ какъ самая настоятельная обязанность каждаго гражданина – обнаружить и преслѣдовать преступленія. Но въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ личными связями, обязанными покровительствовать и защищать. Эти связи, очевидно, должны считаться нѣкоторымъ соображеніемъ препятствующаго характера. Никто не станетъ преслѣдовать своей жены, брата, матери – развѣ въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Вопросъ, стало быть, сводится къ тому, какимъ должно считать это соображеніе по отношенію къ другимъ, принимая во вниманіе, что многое зависитъ отъ степени родства и

прежнихъ связей, отъ количества рода уголивости и т. п. Такое же воздѣйствіе мотивовъ мы видимъ, когда наказаніе должно повлечь за собою гибель осужденнаго, его жены, семьи или другихъ, отъ него зависящихъ. Невозможно въ подобнаго рода случаяхъ выбрать заранѣе нѣкоторыя точныя правила поведенія: къ тому же правильный выборъ зависитъ отъ опытности и честности лица, которое старается его разрѣшить.

Примѣры послѣдняго рода, т. е., когда происходитъ борьба между удовольствіемъ или пользой для другихъ и несоразмѣрнымъ вредомъ для самого себя—сравнительно рѣдки. Не часты также случаи, когда человѣкъ долго колеблется между несомнѣннымъ ущербомъ для себя и неважными выгодами или удовольствіями для своихъ сосѣдей. Послѣдніе случаи не представляютъ для моралиста значительной важности. Можно принять за правило, что мы должны заботиться о самихъ себѣ. Это положеніе подтверждаютъ вообще люди, не довѣряя слишкомъ нашей добротѣ и вѣря въ наше невѣжество и безразсудство. Самый подходящій примѣръ неблагоразумія поступка этого рода, можно видѣть въ той легкости, съ какою иные люди поддаются соблазну общества, когда начинаютъ пьянствовать, держать пари или играть въ карты, зная, что проиграютъ. дѣлается это лишь изъ чувства товарищества;

или другой примѣръ, когда, изъ одного желанія развлечь другихъ, устраиваютъ обѣды, далеко несоразмѣрные со средствами.

Прежде чѣмъ заключить эту главу, нужно сдѣлать нѣсколько возраженій и поясненій. Во-первыхъ, должно возразить, что нравственное чувство имѣетъ мѣсто лишь тамъ, гдѣ происходитъ борьба мотивовъ. Эта принятая мною теорія встрѣчается со взглядомъ, признающимъ поступки добродѣтельнаго или порочнаго поведенія лишенными борьбы и вообще какого-бы то ни было сознанія ихъ важности. Я нѣсколько не противорѣчу; но въ этомъ случаѣ я полагаю, что наше одобреніе или неодобреніе переносится съ отдѣльныхъ поступковъ на все поведеніе, отъ котораго они происходятъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы хвалимъ или одобряемъ скорѣе характеръ, нежели поступки, или, въ крайнемъ случаѣ, поступки, какъ указатель характера. Что же касается того, что мы хвалимъ или порицаемъ поступки поведенія болѣе чѣмъ тѣ, начало которыхъ лежитъ въ краткомъ побужденіи и предшествовавшемъ размысленіи—то мы въ такомъ случаѣ ассоціируемъ эти поступки съ хорошимъ или дурнымъ характеромъ, который мы считаемъ потенциальнымъ началомъ множества поступковъ подобнаго рода, а стало быть и болѣе важнымъ, нежели отдѣльный поступокъ, опредѣляемый временными причинами.

Теперь является вопросъ, можно ли въ самомъ дѣлѣ считать за общее правило, что похвала другихъ и наше самоодобреніе, по нѣкоторомъ размысленіи, соединяются съ поступками, въ которыхъ наше собственное благо подчиняется больше благу другихъ, какъ-бы незначителенъ былъ перевѣсъ блага послѣднихъ надъ нашимъ собственнымъ? Если мы почти одинаково должны подвергаться риску для спасенія другого, или даже жертвовать своими интересами, чтобы содѣйствовать интересамъ другихъ, то цѣльз ли наше поведеніе назвать скорѣе безсмысленнымъ и безсильнымъ, нежели великодушнымъ и благороднымъ? Я полагаю, что не всѣ люди отвѣтили бы такъ; лица, нравственное чувство которыхъ развивалось подъ благоприятными вліяніями, дали бы другой отвѣтъ. Если человѣкъ, рискуя своею жизнью, спасаетъ другого отъ утопленія; нам, подвергаясь такому же риску, защищаетъ своего товарища въ битвѣ; или кидается въ пламя, стараясь спасти безпомощныя жертвы, —то чувство зрителей выразится, несомнѣнно, въ уваженіи, а не въ сожалѣніи или презрѣніи. Но люди даютъ отвѣтъ не только по отношенію къ подобнымъ поступкамъ героизма. Много примѣровъ мы найдемъ и въ домашней жизни, напримѣръ,

когда мужчина и женщина жертвуют своими собственными удобствами ради старого, больного и беспомощного близкого; такой поступок, павѣрно, вызоветъ въ людяхъ, знакомыхъ съ ихъ пуждами, не презрѣніе къ ихъ слабости, а сочувствіе и уваженіе къ ихъ терпѣнію и самоотверженію.

Въ случаяхъ подобнаго рода, можетъ быть, очень трудно провести границу между слабостью и великодушіемъ,

Послѣдніе примѣры доказали, что не всегда легко бываетъ опредѣлить, гдѣ благо другихъ больше собственнаго блага. Этому вопроса нельзя рѣшить даже съ математической точностью. Поэтому, должно, по крайней мѣрѣ, оправдать людей, которые раньше чѣмъ принести въ жертву собственные интересы или удовольствія, желаютъ узнать, будетъ ли благо другихъ, ради которыхъ они жертвуютъ, больше его собственнаго. Слѣдовательно, между поступками, которые мы хвалимъ за ихъ героизмъ, великодушіе или самоотверженіе, и тѣми, которые осуждаемъ за ихъ подлость, ничтожество, — лежитъ широкая полоса. Никогда не слѣдуетъ забывать, разсуждая о вопросахъ нравственности, что есть масса поступковъ, которыхъ мы не хвалимъ, ни порицаемъ, и которые выдѣляются съ особенной яркостью тамъ, гдѣ происходитъ борьба между собственными интересами человека и интересами его сосѣда. Мы хвалимъ великодушіе, осуждаемъ подлость, но между ними еще значительная категорія поступковъ, которые не признаются ни великодушными, ни подлыми. Такого рода нейтральная полоса поступковъ, которыхъ нельзя ни хвалить, ни порицать, существуетъ и въ тѣхъ поступкахъ, которые касаются только насъ самихъ или только другихъ, хотя она, повидимому, въ данномъ случаѣ менѣе значительна, нежели тамъ, гдѣ происходитъ противорѣчіе мотивовъ между чужими и собственными поступками.

Слѣдуетъ также замѣтить, что во всѣхъ обществахъ, особенно въ цивилизованныхъ, существуетъ какой-то средній идеалъ поведенія, который не вызываетъ сознательнаго чувства одобренія; лишь нарушеніе его можетъ возбудить вниманіе и, такимъ образомъ, вызывать неодобреніе. Я не стану хвалить гостя или даже слугу за то, что они не крадутъ моихъ серебряныхъ ложекъ, хотя и обнаружилъ-бы свое негодованіе въ противномъ случаѣ. Можетъ быть и лишнее будетъ сказать, что этотъ средній идеалъ измѣняется въ весьма широкихъ предѣлахъ, такъ что поступки воздержанія, которые въ извѣстномъ возвратѣ мѣстѣ или общественномъ кругу, подразумеваются сами собой и не вызываютъ вниманія, въ другихъ случаяхъ могутъ быть исключительными и служить объектомъ похвалы или порицанія.

Различая случаи, когда наши собственные интересы мы должны подчинять чужимъ интересамъ, или дѣлать добро для другихъ при собственномъ рискѣ или потерѣ, необходимо выяснитъ результатъ прошлаго и настоящаго вліянія поступковъ: сверхъ того, мы должны пойти ихъ общія тенденціи или, иначе говоря, спросить себя, что произойдетъ, если всякій человекъ или все люди поступятъ по нашему предположенію. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что богатый человекъ, жертвуя сравнительно мало, въ состояніи доставитъ большое благо своимъ бѣднымъ сосѣдямъ, наливши ихъ извѣстной суммой денегъ. Если я, на примѣръ, имѣю въ годъ десять тысячъ дохода, то почему-бы мнѣ не осчастливитъ пятьдесятъ бѣдныхъ семействъ, даря каждому по сотнѣ, которая могла-бы быть для нихъ приличнымъ доходомъ? Убытокъ въ пять тысячъ былъ-бы ли для меня лишь сокращеніемъ излишней роскоши, безъ которой я скоро научился-бы обходиться, между тѣмъ какъ для тѣхъ доходъ въ сотню могъ-бы замѣнить пищу и постоянную борьбу — комфортомъ, и покоемъ? Отвѣчаю на это такимъ образомъ: во-первыхъ, я въ